

Три Ивана

Напали на Расею зараз три неверные царя: салтан турецкий, царь казанский и хан крымский. Ну, нашему-то царю и не в моготу стало. Он и так, и сяк, а справиться с троими не может. Что станешь делать? Сила солому ломит. Вот он, батюшка наш, и шлет на Яик к казакам грамотку, пишет: «Так и так, помогите, православные! Нехристи одолевают. Сколько вас там на Яике есть, все не ходите: будет и половиночки». Значит, и в те поры царям ведомо было, что яицкие казаки молодцы, настоящие воины, на руку охулки не положат. Ладно.

В те поры казаков на Яике было всего-на-все человек триста; значит, самая малость. Получили они от царя грамотку, сошлись в казачий круг, распустили знамечко свое шелковое, позлащенное и стали думать думу крепкую. Что делать? Всем идти — царь не желает; да и Яик бросать опасно; пожалуй, еще как-нибудь орда нахлынет. Половиночке идти — другой половиночке завидно. Как тут быть? Думали, думали казаки, да и решили: послать на подмогу к царю только троих казаков, что ни самых лучших воинов, троих лыцарей-поединщиков. Помолясь и благословясь, поехали наши лыцари на поле Куликово, где было собраньице воинское. Первому лыцарю имя Иван Пыжала, второму — Иван Шатала, а третьему — Иван Клад. И четвертый лыцарь с ними поехал, но тот так поехал: в случае какой неустойки было бы кому на Яик весть дать. Этого лыцаря звали Иван Бирючьих-Лап. Ладно.

Приехали наши лыцари в армию царя расейского, то-ись в саму пору. Стоит на поле Куликовом расейская армеюшка словно сиротинушка: все воины невеселы, все воеводы и бояры головы повесили; и было, касатик, отчего. Супротив одной рати царя расейского стоят три рати трех царей неверных. Боя они не начинают, а вызывают поединщиков. В старину, вишь, был такой обычай: супротивные армии редко в бой вступали, а решали спор поединщиками. Так было и в ту пору. От трех ратей басурманских выехали три богатыря-поединщика, пре-страшнеющие. Каждый с ног до головы железом покрыт, точь-в-точь собака, лютый индрик-зверь. [...]

Сколько там с расейской стороны ни было князей и бояр, а выйти супротив басурманских поединщиков ни одного охотника не выискалось. А неверные-то цари свое дело делают, нудят нашего, говорят: «Высылай поединщиков,

иль-бо сам выходи: не то покорись и дань плати». Каково нашему-то царю слушать таковы словеса из уст орды! Царь, говорят, сам хотел идти на поединок, велел было коня седлать и латы себе готовить. А тут, как раз, и прилетели наши орлы орловичи, сиречь наши три Ивана, да четвертый на поддачу. Царь успел только вымолвить: «Голубчики!» А голубчики уж вылетели в поле и ударили на басурманских поединщиков, даром что они похожи на индрика-зверя. Раз, два, три: басурманы с коней долой! Раз, два, три: басурманские головы торчат уже на казачьих копьях! Значит, шабаш!

Басурманские рати, известно, после того преклонились перед нашею. Значит, наша взяла! Царь наш возвеличился и по всей вселенной прославился. Значит: никто же на ны!

На таких великих на радостях царь сзывает всех, и князей, и бояр, и казаков наших, в первопрестольный град, в каменну Москву. Значит, пир пировать и награды раздавать! Потуманили гурьбой в Москву все князья и бояры, друг друга перегоняют, друг друга перебивают... От поединка хоша они и отказались, но от пира-банкета, а пуще от награды не прочь. Значит, печи бить — нет нас, пиво пить — мы не хуже вас. И наши лыцари поехали, но не торопятся и едут себе, как в старинных песнях поется, потихохоньку, посмирнехоньку. Думают про себя: «Наше от нас не уйдет».

Много ли, мало ли пировали у царя и князья, и бояры, и казаки яйцкие, наконец пришло время награды раздавать.

Спрашивает царь князей и бояр: «Чем мне вас дарить-жаловать: золотою казною иль драгоценными камнями?» Отвечают князья и бояры: «Не надо нам ни золотой казны, ни драгоценных камней, а пожалуй нас деревнями да крестьянами». И пожаловал царь князей и бояр деревнями да крестьянами.

Спрашивает теперь царь наших казаков: «А вас, атаманы-молодцы, чем дарить-жаловать: золотою ли казною, самоцветными ли камнями иль, как князей и бояр, деревнями да крестьянами?» Отвечают наши казаки: «Не надо нам, надежа-царь, ни золотой казны, ни самоцветных камней, не надо нам ни деревень, ни крестьян; а пожалуй нас рекой Яиком, от вершин до устьев, с рыбными ловлями, санными покосами и лесными порубами». И пожаловал нас царь рекой Яиком, с вершин до устьев, с рыбными ловлями, санными покосами и лесными порубами.

А князья и бояры слышат да смеются: «Вот дураки-то, вот дураки-то чего просят! — говорят меж себя. — Разве земля наша клином сошлась: где нет воды, где нет травы, где нет леса? Воткни палку, и дерево вырастет. Прямые дураки, бестолочь!» — говорят про наших казаков. А наши казаки не дураки, не бестолочь. Они знали честь и совесть, помнили заповедь Божию: «В поте лица хлеб себе добывай». Твердо знали и пословицу: «На чужой каравай рта не разевай». Нет, старики наши не дураки, они не о своей одной выгоде заботились, а заботились о пользе всего своего общества.

(Зап. от И. Н. Чакрыгина на р. Урал)

Очерки быта уральских казаков // Полн. собр. соч. И. И. Железнова. 3-е. изд. Спб., 1910. Т. 3.